

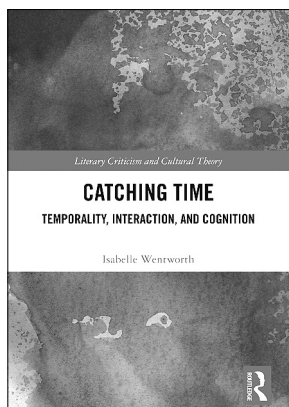
Татьяна Венедиктова

Новости литературной когнитивистики с южного края света

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_325

Wentworth I. *Catching Time: Temporality, Interaction, and Cognition.*

N.Y.; L.: Routledge, 2024. — VIII, 171 p. — (Literary Criticism and Cultural Theory).

На месте Австралии долгое время предполагалась «пока неведомая южная земля» — Terra Australis Nondum Cognita. И если с физической географией давно все ясно, то культурный потенциал страны-континента далеко не раскрыт, особенно в научно-гуманитарной составляющей. Из четырех десятков австралийских университетов почти все были созданы после Второй мировой войны, при этом гуманитаристика не числилась среди образовательных приоритетов, и сама мысль о том, что у нее может быть неповторимо местное лицо, многими воспринималась как курьез. На поле, если не сказать пятачке, академического знания о литературе «бодались» традиционалисты и теоретики. Первые исходили из того, что у австралийцев

все должно быть «как у людей», то есть у «старых» наций: история отечественной словесности и канон, пусть небогатый, биографии, библиографии, собрания сочинений, нобелевские лауреаты (один есть — Патрик Уайт). Вторые работали в фарватере англо-американской и европейской литературной теории, в 1970—1980-х гг. переживавшей бурный расцвет. Оба направления были по своей сути «догоняющими» и не сулили ни инновационных прорывов, ни достижений по части глобальной конкурентоспособности. Не удивительно, что государственные гранты текли мимо — в русло STEM (science, technology, engineering, mathematics), а из гуманитарных программ более или менее успешно развивались только программы академического письма: иностранные студенты приезжали в Австралию, чтобы развивать навыки письменной коммуникации на английском языке. Кафедра австралийской литературы в старейшем университете Австралии (Сиднейском) открылась только в 1962 г., а в 2019-м, после выхода на пенсию очередного заведующего, уже закрылась. На взгляд скептического европейского наблюдателя, гуманитарный ландшафт в стране Оз¹ приобрел вид пустыни.

Впрочем, в пустыне есть оазисы, и в них ведется работа на будущее. Один из таких перспективных проектов связан с масштабной оцифровкой текстов и разнообразной работой с литературными базами данных². Другой нам предстоит обсу-

- 1 Шуточное обозначение Австралии, в котором обыгрывается созвучие первого слога (Aus-) с названием сказочной страны, придуманной в начале XX в. Фрэнком Баумом.
- 2 См. об этом в рецензии на книгу австралийской исследовательницы К. Боуд: *Венедиктова Т. Провинциальная газета как полигон транснациональной литературной истории* (Рец. на кн.: *Bode K. A World of Fiction: Digital Collections and the Future of Literary History. Ann Arbor, 2018*) // Новое литературное обозрение. 2020. № 165. С. 364—369.

дить, тем более что именно его упомянутый наблюдатель — французский исследователь Жан-Франсуа Верней, глубоко погруженный в австралийскую ситуацию, — описывает как тренд несомненно яркий и перспективный. Сборник статей, недавно вышедший под его редакцией, называется выразительно: «Подъем австралийской нейрогуманитаристики: диалог между нейрокогнитивной наукой и австралийской литературой»³.

«Поворот» в гуманитарном знании происходил и происходит, конечно, не только в Австралии. Описывается он по-разному — как прагматический, экспериенциальный, энактивистский или нейрокогнитивный, что, разумеется, не одно и то же, но вектор движения, несомненно, общий. С конца 1970-х гг. формируется новая зона сотрудничества философии, психологии, лингвистики, антропологии, биологии и нейронауки, а в 1990-х появляется ряд ключевых работ, определяющих ее лицо⁴. «Поворот», как бы его ни описывать, обусловлен, с одной стороны, усталостью от абстракций, которыми грешили структурализм и постструктурализм, с другой — новыми возможностями, возникшими на рубеже столетий в науках о жизни и о мозге. Между ними и гуманитарной наукой образуется промежуточное звено в виде исследовательских программ когнитивистской направленности, которые все дальше уходят от «компьютерной» модели сознания, с которой когнитивистика ассоциировалась исходно. В рамках энактивистского подхода коммуникация и сознание принципиально соразмерны жизнедеятельности и характеризуются сочетанием свойств, обозначаемым аббревиатурой 4E (embodied, embedded, enactive, extended)⁵. В фокусе внимания — телесная воплощенность и действенность сознания, его погруженность в среду и распределенность в ней.

Основная посылка энактивизма состоит в том, что любая живая система, стремясь сохранить себя, поддерживает динамическое равновесие со средой, постоянно оценивает все вокруг с точки зрения угроз или возможностей для выживания. Это значит, что даже самые простые соматические реакции выполняют адаптивную функцию, способны приобретать эмоционально-оценочный окрас, а следовательно, и возможность стать субъективным переживанием. Континуум телесного, эмоционального и осознаваемого как раз и отличает человеческое сознание от машинного интеллекта. Чем изощреннее становятся разработки последнего, тем выразительнее интерес ученых к аффективным состояниям и «воплощенным» формам сознания, — это парадокс, но только кажущийся.

Под общей шапкой «*сог lit crit*» за последние десятилетия собралось уже довольно много конкурирующих за внимание исследовательских программ, которые

-
- 3 The Rise of the Australian Neurohumanities: Conversations Between Neurocognitive Research and Australian Literature / Ed. by J.-F. Vernay. N.Y.; L.: Routledge, 2021. См. также статью (именно в ней высказывается суждение о состоянии гуманитарной науки в Австралии): *Vernay J.-F. Towards a New Direction in Contemporary Criticism: Cognitive Australian Literary Studies // The Routledge Companion to Australian Literature / Ed. by J. Gildersleeve. N.Y.; L.: Routledge, 2021. P. 116–122.*
  - 4 В частности, выходит работа, ставшая классикой энактивистской методологии: *Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cambridge: MIT Press, 1991.*
  - 5 Посылки энактивизма подразумевают серьезный пересмотр оснований научной мысли, поскольку не совместимы ни с методологическим индивидуализмом (представлением о «я» как об источнике мысли), ни с дуалистическим противоположением духовного и телесного, идеального и материального. Механизм репрезентации — отражения объективного мира в сознании субъекта — также открывается критическому переосмыслению. Хорошим введением в энактивистскую методологию на русском языке можно считать кн.: *Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.*

определяются при помощи «волшебного» слова, успешно убегающего от однозначного определения: когнитивная поэтика, когнитивная риторика, когнитивная стилистика, когнитивная нарратология, когнитивная экокритика и т.д. В рамках любого из этих направлений может быть поставлен — и ставится — вопрос: «Что дает изучение когнитивной сферы для понимания искусства и что искусство слова позволяет понять в механизмах когниции?» Развернутая версия этого вопроса содержится в аннотации к упомянутому выше сборнику «Подъем австралийской нейрогуманитаристики»: «Как именно литература ангажирует читателя, как она производит контекст и производится контекстом, как побуждает к переосмыслению отношений между национальными литературными, культурными и историческими традициями, а также к переосмыслению социальных функций самих текстов?»

Таков общий фон, на котором может быть рассмотрена книга «Уловить время: темпоральность, интеракция, когниция». Ее автор, Изабел Вентворт, в 2019 г. получила докторскую степень в Университете Нового Южного Уэльса и теперь преподает в Вуллонгонгском университете в том же штате, на юге Австралийского континента. Первая монография молодой исследовательницы невелика — полторы сотни страниц, включая обширные и очень полезные библиографические списки в каждой главе. О том, что перед нами работа вчерашней аспирантки, говорят и благодарности научному руководителю, и довольно дежурная композиция (теоретическая глава плюс прилагающиеся к ней иллюстративные разборы), и выбор материала, пожалуй, слишком явно определяемый специализацией автора (англо- и испаноязычные литературы). Во второй части книги рассмотрены четыре романа: «Художник тела» («Body Artist», 2001) американца Дона Делилло, «Вода» («Аgua», 2021) аргентинки Лии Чары (Lia Chara), «Тела лета» («Los cuerpos del Verano», 2012) аргентинца Мартина Фелипе Кастаньета (Martin Felipe Castagnet) и «Жизнь домов» («The Life of Houses», 2015) австралийской писательницы Лиз Гурон (Lise Guron). Можно сказать, что перед нами пример «аспирантской науки» — очень хорошей, то есть не той, что следует спокойно в хвосте достижений научных руководителей, а той, что азартно грызет гранит науки в новом, еще далеко не разработанном направлении. В данном случае предпринимается попытка внести вклад в литературную когнитивистику путем сосредоточения на «чувстве времени», продуцируемом литературой.

О том, что для разных людей и в разных ситуациях время течет по-разному, сказано немало. Например, у Шекспира в «Как вам это понравится» об этом говорит Розалинда: «...Время идет различным шагом с различными людьми. Я могу сказать вам, с кем оно идет иноходью, с кем — рысью, с кем — галопом, а с кем — стоит на месте»⁶. Конечно, наука от начал ньютоновской физики настаивала на «объективности» времени, его членности на измеримые сегменты, а деловая культура индустриальной эпохи последовательно трактовала время как полезный ресурс, который можно тратить, использовать, оплачивать и т.д. Но эстетика модернизма — в лице хотя бы Вирджинии Вульф — напоминает нам о несовпадении времени на часах и времени, субъективно переживаемого. Второе ощущается как субстанция растяжимая и пористая: тысячи кротовых нор памяти пронзают момент настоящего, в любую из них можно провалиться как в кошмар или в благодать и так, через смутный портал воспоминания, выйти в непрерывность и взаимосвязанность переживаемых нами времен.

Отталкиваясь от этих (ранее исследованных) мотивов, Вентворт предлагает сфокусироваться на ощущении движения времени — дорефлексивных структурах

---

6 Шекспир У. Как вам это понравится / Пер. с англ. Т. Щепкиной-Куперник // Шекспир У. Собр. соч.: В 8 т. М.: Интербук, 1997. Т. 5. С. 163.

опыта темпоральности, которые не только субъективны, но и intersубъективны. Индивидуальное сознание принципиально не изолируемо, принцип его бытия — сосуществование и взаимодействие (здесь автор книги ссылается на Бахтина). Это значит, что и во времени мы сосуществуем с другими, синхронно или асинхронно (о чем напоминают расхожие английские выражения «in sync» и «out of sync»).

Чувство времени, в силу того что оно обладает «нейронным субстратом», переживается нами на уровне моторных, сенсорных, перцептивных состояний. Скорость течения времени зависит от эмоционального состояния субъекта — эти субъективные «искажения» в движении временного потока мы чаще осознаем постфактум и/или в смычке с каким-то внешним обстоятельством-триггером. Достаточно представить себе время автомобильной катастрофы, когда все происходит в одно мгновение, но это мгновение «разбухает», наполняясь множеством подробностей, или, скажем, время скучной лекции, которое невыносимо растягивается.

Парадокс литературного текста: благодаря автору мы *знаем*, что думает или переживает тот или иной персонаж, но понимаем или, скорее, чувствуем иллюзорность этого знания. Мозговым обеспечением бессознательных процессов, которыми определяется огромная часть внутренней жизни человека, сегодня начинает заниматься нейропсихология бессознательного⁷. Литература *уже* располагает по этой части обильным материалом, но материал этот до сих пор не освоен в силу отсутствия внимания к нему и инструментов для его исследования.

Вентворт напоминает для начала, что время внутри произведения — это иллюзия, создаваемая текстом. При помощи чего и как именно она создается? Самое очевидное как будто бы средство — последовательность рассказываемых событий. Однако время рассказа организуется не только сюжетным движением; не менее важна синхронизация в воображении, осуществляемая при посредстве языковых сигналов. Сигналы могут не иметь собственно темпоральной природы и отсылать лишь к «микрофлуктуациям» опыта, но опыту временная протяженность присуща по определению.

Здесь Вентворт предлагает учесть посылки так называемой естественной нарратологии⁸. Ее сторонники исходят из того, что опыт и нарратив неразрывны, то есть нарративы возникают в жизни «естественно»: где есть (антропоморфный) субъект, там есть и нарратив, даже в отсутствие сюжета. Отсюда — возможность и, более того, необходимость изучать нарративы в аспекте *intersубъективной интеракции*, обязательно воплощенной и обязательно (для Вентворта) *развертывающейся во времени*. Наш опыт времени или наше *чувство времени*, напоминает молодая исследовательница, всегда подразумевают опору на предшествующий опыт и предвосхищение будущего. Так же и в нарративе: любое событие определяется тем, что было раньше и что может быть потом. Эффекты постоянной ретроспекции и постоянной же антиципации характеризуют рассказ, как и в целом жизнедеятельность субъекта.

При этом границы наших субъективных сознаний проницаемы. Каждое существоует в «своем» времени, но «чужое» время можно подхватить в процессе коммуникации, как подхватывают вирус, «уловить» его подражательно, синхронизируясь с ним в воображении. Это напоминает то, что происходит в актах чтения,

7 Об этом направлении исследований в российской психологической науке см.: Хохлов Н.А., Федорова Е.Д. Нейропсихология бессознательного: современное состояние проблемы // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 127—148.

8 См.: Herman D. Cognitive Narratology // Handbook of Narratology / Ed. by P. Hühn, J.C. Meister et al. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014. P. 46—64; Fludernik M. Towards a “Natural” Narratology. L.: Routledge, 1996.

когда, погружаясь в текст, мы прибегаем в иные моменты к чувственной симуляции, — например, силясь вообразить выражение лица, о котором читаем, пытаемся собственному лицу придать подобное. Именно этот уровень «конверсии» опыта в текст — неосознаваемый, происходящий за счет моторной эмпатии, соматического резонанса, спонтанного подражания движению или интонации другого субъекта, — представляет наибольший интерес для Вентворт.

Можно ли отследить этот тонкий процесс, подвергая рефлексии чтение конкретного текста? Вентворт пытается это сделать, следя за тем, как синхронизируются в акте чтения пласты времени, в каких обитает рассказчик, персонажи, а иногда еще особо и отдельно — вещественная среда, фигурирующая в повествовании. Каждый из разборов по-своему любопытен, но очевидно, что этот пробный анализ может быть осмыслен глубже и полнее систематизирован. В отсутствие четкого алгоритма анализа автор книги предлагает учитывать сразу все: и содержательные структуры (например, размышления о времени «от автора» или от лица персонажа), и структуры дискурсивные (от дейктических единиц до глагольных временных форм). В ходе дальнейшего движения по обозначенному пути будут, наверное, сделаны уточнения. Возможно, также и открытия.